

республиканских референдумов) // Офиц. сайт Центральной комис. Респ. Беларусь по выборам и проведению республик. референдумов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20110720220048/http://www.rec.gov.by/refer/ref1995resdoc.html>. — Дата доступа: 20.01. 2013.

6. *Лойка, П.А.* Гісторыя Беларусі: вучэб. дапамож. для 7 кл. сярэд. шк. / П.А. Лойка. — Мінск: Нар. асвета, 1993.

7. *Біч, М.В.* Гісторыя Беларусі: канец XVIII ст. — 1917 г.: вучэб. дапам. для 8 кл. агульнаадукац. шк. / М.В. Біч; пад. рэд. Я.М. Бабосава. — Мінск: Нар. асвета, 1998.

8. *Загарульскі, Э.М.* Гісторыя Беларусі: з сярэдзіны I тыс. да Люблінскай уніі 1569 г.: падруч. для 6 кл. агульнаадукац. шк. з беларус. і рус. мовамі навучання / Э.М. Загарульскі. — Мінск: Нар. асвета, 1999.

9. *Лойка, П.А.* Гісторыя Беларусі. XVI—XVIII стст.: вучэб. дапам. для 7 кл. агульнаадукац. школ з беларус. і рус. мовамі навучання / П.А. Лойка. — Мінск: Нар. асвета, 2000.

10. *Трещенок, Я.И.* История Беларуси с древнейших времен до октября 1917 года: учеб. пособие для 10 кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / Я.И. Трещенок, А.А. Воробьев, В.В. Волженков; под.ред. Я.И. Трещенка. — Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2008.

11. *Островская, Т.* Генеалогия исторической памяти белорусов в контексте образовательных практик // Исследование (Belarusian Institute for Strategic Studies) [Электронный ресурс]. — 2010. — № 1. — Режим доступа: <http://www.belinstitute.eu/images/doc-pdf/sa012010ru.pdf>. — Дата доступа: 25.03. 2013.

12. *Штыхаў, Г.В.* Гісторыя Беларусі: Старажытныя часы і сярэднявечча: вучэб. дапам. для 5—6 кл. / Г.В. Штыхаў, У.К. Пляшэвіч. — Мінск: Нар. асвета, 1993.

13. *Лойка П.А.* Гісторыя Беларусі: вучэб. дапам. для 7 кл. сярэд. шк. / П.А. Лойка. — Мінск: Нар. асвета, 1993.

14. *Штыхаў, Г.В.* Гісторыя Беларусі ў сярэднія вякі: вучэбны дапам. для 5 кл. агульнаадукац. шк. з беларус. і рус. мовамі навучання / пад рэд. П.Ц. Петрыкава. — 2-е выд. — Мінск: Нар. асвета, 2003.

15. *Ермаловіч, М.* Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. Ермаловіч. — Мінск: Беллітфонд, 2003.

16. Беларусь — прывыше всего! (О национальной белоруской идее) / сост., пер., науч. редактирование А.Е. Тараса. — Смоленск: Посох, 2011.

17. *Галенчанка, Г.Я.* Гісторыя Беларусі: другая палова XIII—XVIII ст.: вучэб. дапам. для 10 кл.: у 2 кн. / Г.Я. Галенчанка, П.А. Лойка; пад рэд. П.Ф. Дзмітрачкова. — Мінск: Нар. асвета, 1997. — Кн. 2.

18. *Качалаў, І.Л.* Гісторыя Беларусі: канец XVIII ст. — 1999 г.: вучэб. дапам. для 11 кл. / І.Л. Качалаў, Г.С. Марцуль; пад рэд. Я.К. Новіка. — 2-е выд. — Мінск: Нар. асвета, 2002.

*Артыкул паступіў
у рэдакцыю 23.10. 2013 г.*

А.А. МАНКЕВИЧ

БЕЛОРУССКОЕ МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН (1985—1994)

С середины 80-х гг. XX в. в СССР начался период радикальных экономических, политических и социальных преобразований, названный политикой «перестройки». Идея ускорения, начало которой положили решения апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС, предусматривала повышение темпов экономического развития путем интенсификации производства, структурной пере-

Анна Александровна МАНКЕВИЧ, аспирантка кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета.

стройки экономики, внедрения достижений научно-технического прогресса, стимулирования труда. Таким путем новое руководство партии и государства надеялось преодолеть обозначившийся с конца 1970-х гг. и усилившийся в первой половине 1980-х гг. застой в социально-экономическом развитии страны. Его проявления становились с каждым годом все более очевидными, что угрожало перерастанием в системный общегосударственный кризис.

Именно поэтому широкими слоями общества первые перестроечные начинания воспринимались как нечто такое, что должно дать быстрый и ощутимый позитивный результат во многих сферах, и в первую очередь в самых жизненно важных для населения. В массовом сознании подавляющего большинства населения стали проявляться настроения эйфории и завышенные ожидания от перестройки. Это подтверждают и опросы, проведенные в БССР в самом ее начале. Так, в ходе исследования общественного мнения в 1986 г. 82,6 % опрошенных рабочих, колхозников, интеллигентов, студентов и учащихся Беларуси ответили, что они вполне удовлетворены своей жизнью и только 4,3 % выразили неудовлетворенность. 13 % опрошенных на вопросы исследования однозначного ответа дать не смогли [1, 3].

Решение новых задач в Беларуси было осложнено аварией на Чернобыльской АЭС весной 1986 г. Из всех загрязненных территорий трех союзных республик — БССР, УССР, РСФСР — 70 % выпавших радионуклидов пришлось на Беларусь. В зоне радиоактивного заражения проживало 2 млн 100 тыс. жителей БССР. Из оборота было выведено более 20 % сельскохозяйственных угодий республики. Общие расходы, связанные с переселением людей, строительством домов, выплатой компенсаций за оставленные жилища и хозяйственные постройки, потерянной техники (вывозить ее с загрязненных территорий запрещалось) и т. д., составили 16 национальных годовых бюджетов БССР.

Но тем не менее с 1986 по 1990 г. народное хозяйство Беларуси работало достаточно динамично, что выгодно отличало ее от других союзных республик. Промышленность БССР увеличила выпуск продукции на 26 %, а производительность труда выросла на 30,1 %. Уверенно продолжало развиваться и сельское хозяйство республики [2, 44].

Экономические преобразования поначалу не затрагивали фундамент складывавшейся десятилетиями административно-командной системы. Инициаторы перестройки во главе с Генеральным секретарем ЦК партии М.С. Горбачевым первоначально планировали вывести страну из полосы застоя под лозунгами дальнейшего совершенствования социализма, не посягая при этом на замену самих основ планово-распределительной системы. Отсутствие целостной и ясной программы реформирования обернулось во времена перестройки серьезнейшими ошибками, которые способствовали дальнейшему развитию деструктивных процессов. Более того, как отмечают исследователи, вследствие неопределенности своих целей и скоропалительного демонтажа существовавших отношений политика «перестройки» неуклонно снижала политический и экономический потенциал страны, последовательно обостряла общественный и социально-экономический кризис [3, 11].

Политика «гласности», провозглашенная М.С. Горбачевым и поддержанная широкими слоями населения, очень скоро, по историческим меркам, стала сеять в массах сомнения в отношении социализма как наиболее совершенной системы. Начался процесс последовательного вытеснения социалистических идеалов другими идеалами и ценностями. По мнению вышедших на политическую авансцену в годы перестройки критиков КПСС всевозможных идейных оттенков, ряды которых очень быстро увеличивались, советская система не подлежала реформированию и поэтому могла быть только разрушена, унич-

тожена. Во многих регионах СССР обозначилась и быстро стала нарастать политическая и социальная нестабильность. Иными словами, по мере продвижения перестройки гласность фактически трансформировалась в идеологическую войну, направленную на смену государственного и общественного строя СССР.

В мае-июне 1990 г. на I Съезде народных депутатов России в Москве произошло событие, имевшее далеко идущие негативные последствия для СССР. В результате напряженной политической борьбы Б.Н. Ельцин с незначительным перевесом голосов был избран Председателем Верховного Совета РСФСР. Вслед за этим, 12 июня 1990 г., была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР. За Россией последовали другие союзные республики. 27 июля 1990 г. аналогичную декларацию приняла БССР.

Для того чтобы противодействовать центробежным тенденциям в стране, Верховный Совет СССР инициировал проведение референдума по вопросу сохранения Союза ССР. Он состоялся 17 марта 1991 г. в девяти союзных республиках (в Литве, Эстонии, Латвии, Грузии, Молдавии, Армении, которые ранее объявили о независимости или о переходе к независимости, всесоюзный референдум фактически не проводился). Подавляющее большинство советских граждан высказалось за сохранение в реформированном виде СССР, а из 7 млн 350 тыс. избирателей в Беларуси, включенных в списки голосовавших, «да» сохранению Союза сказали 82,6 %, «нет» — только 16 % [4, 37].

Однако уже в конце августа 1991 г. в Москве произошли события, которые в итоге привели к ликвидации СССР. Провал августовского путча, сорвав подписание выработанного с большими трудностями в ходе переговоров М.С. Горбачева с лидерами союзных республик в Ново-Огарево проекта нового Союзного договора, сделал процесс дезинтеграции Советского Союза необратимым.

Вслед за другими союзными республиками, 19 сентября 1991 г., Верховный Совет БССР принял закон «О названии Белорусской ССР», в соответствии с которым она стала именоваться Республикой Беларусь, сокращенно Беларусь. Государственными символами Республики Беларусь были объявлены герб «Погоня» и бело-красно-белый флаг.

8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще, в правительственной резиденции Вискули, руководители России, Беларуси и Украины — Б.Н. Ельцин, С.С. Шушкевич, Л.М. Кравчук — проигнорировав волю своих народов, высказанную на общесоюзном референдуме 17 марта 1991 г., денонсировали Договор 1922 г. об образовании СССР и тем самым де-юре уничтожили большое и могущественное государство. Советский Союз прекратил свое существование. А 21 декабря 1991 г. на встрече в Алма-Ате руководители 11 республик бывшего СССР подписали Декларацию об образовании СНГ. Членами Содружества Независимых Государств стали все бывшие союзные республики за исключением Грузии, Литвы, Латвии и Эстонии.

Системный кризис 1980-х — начала 1990-х гг., выход из которого оппозиционные советскому руководству политические силы и правящие республиканские элиты предложили народу искать на путях «суверенизации», привел к распаду Советского Союза. Но хотя развал СССР и стал «фактом истории», вместе с тем было бы ошибочным говорить, что он «был исторически обусловленной закономерностью» [3, 31].

Тем не менее «карты истории» конца 1980-х — начала 1990-х гг. «выпали» именно так, что на уникальном политическом эксперименте XX в. был поставлен крест. А понятия «свободный союз свободных наций и республик», «единое союзное гражданство», «дружба народов» и «новая межнациональная общность — советский народ» были, как казалось тогда, навсегда сданы в архив [5, 51].

Но уже на начальной стадии становления новых независимых государств «эйфория независимости» быстро исчезает, население оказывается лицом к лицу с кризисами — социально-экономическим, политико-идеологическим, духовно-культурным, резко усиливается межэтническая и межконфессиональная напряженность. Так же и в Беларуси, становление институтов нового независимого государства начиналось в условиях глубокого политического, экономического, идеологического и социокультурного кризиса. Прежняя советская идентичность пребывала в фазе «полураспада». Гражданам новой страны нужно было искать новые ценностные ориентиры и нормы социальной регуляции, новую самоидентификацию.

Если, как отмечалось выше, в опросах населения в первые годы перестройки регистрировались настроения эйфории и веры в лучшее будущее, то в середине 1991 г. только 3,5 % опрошенных жителей Беларуси характеризовали социально-экономическую ситуацию в стране как нормальную, зато абсолютное (просто зашкаливающее!) их большинство (95,2 %) считали ее напряженной, причем каждый третий (32,6 %) полагал, что социальная напряженность является чрезмерно высокой, взрывоопасной, а количество трудностей и нерешенных проблем, кризисных явлений нарастает [1, 3]. Такие статистически предельно выраженные негативные оценки результативности перестройки однозначно свидетельствуют о глубоком разочаровании тех, кто надеялся на быстрое возрождение страны и улучшение условий собственной жизни.

Ожидания людей в отношении будущего были не менее тревожными, чем оценки настоящего, причем их пессимизм в начале 1990-х гг. усиливается. Количество надеющихся на улучшение социально-экономического положения стремительно сокращается. Таких в Беларуси и в 1990 г. было не слишком много — 16 % общего числа опрошенных. Однако в начале 1992 г. их доля снизилась до 9 %. Верил в улучшение своей жизни в ближайшее время только каждый десятый, а около трети людей на вопрос, когда они ждут улучшения жизни, ответили «никогда» [1, 22].

Результаты общероссийских опросов ВЦИОМа и других центров свидетельствуют об аналогичной ситуации в России. В декабре 1990 г. значительно улучшения экономической ситуации ждали лишь 2–3 % опрошенных россиян, стабилизации политической обстановки — 3 %. Дальнейшее нарастание экономических трудностей и политической напряженности предсказывали 63 и 59 %. Соответственно наступление экономической катастрофы считали вероятным 22 %, а начало гражданской войны — 20 % опрошенных (против соответственно 11 и 9 % в январе того же года) [6, 15].

Разуверившись в способности властей обеспечить улучшение положения, трудящиеся Беларуси переходили к решительным действиям. Самым наглядным проявлением этого стал стремительный взлет забастовочного движения в марте 1991 г. В СССР в период перестройки не было случая, чтобы практически вся республика, причем далеко не самая маленькая, была охвачена забастовками. Как не было их уже и до развала Советского Союза...

Начальная стадия становления государственности Беларуси была максимально осложнена экономическим коллапсом, который переживала советская экономика накануне и в период распада СССР. Ввиду качественной специфики экономики БССР, которую называли «сборочным цехом» советской промышленности, республика особенно пострадала от разрыва ранее существовавших производственно-экономических связей и критического положения с обеспечением народного хозяйства энергоресурсами. Беларусь переживала обвальный спад производства. Если взять валовой внутренний продукт республики в 1990 г. за 100 %, то в 1991 г. он составлял 99 %, в 1992 г. — 89, в

1993 г. — 80, в 1994 г. — 70, а в 1995 г. лишь 63 % уровня 1990 г. [3, 231]. Такой стремительный обвал экономики способен был создать реальную угрозу потери только что обретенной независимости.

Снизилось и качество производимой продукции, заметно упала наукоемкость промышленного производства. Раскручивание инфляционной спирали и катастрофическое падение курса белорусского рубля инспирировали стремительный рост цен. Их либерализация отнюдь не привела, как прогнозировали либерал-реформаторы, к установлению равновесных цен. Наивно было на это надеяться в условиях, когда еще отсутствовал механизм свободной конкуренции.

Стагнация социально-экономического развития сопровождалась резким падением уровня жизни большинства населения, ростом безработицы, обострением других социальных проблем. По данным Минстата Беларуси, если в 1991 г. реальная зарплата по отношению к 1990 г. еще немного повысилась (на 4 %), то в 1992 г. она упала по сравнению с 1990 г. до 91 %, в 1993 г. — до 85 %, в 1994 г. — до 59 %, а в 1995 г. она составляла уже только чуть более половины от зарплаты 1990 г. — 56 % [3, 234].

В 1993 г. было зарегистрировано 54 тыс. безработных. Все больше жителей Беларуси оказывалась за чертой бедности. Количество людей, чьи доходы составляли 60 % и ниже минимального потребительского бюджета, в 1995 г. составляло 63 % населения страны [2, 44].

Все эти негативные явления и процессы запустили механизм маргинализации различных слоев и категорий населения, падения «престижа их социального статуса», как определяют это явление социологи [3, 13]. Нельзя вместе с тем не отметить, что эта маргинализация в Беларуси была, во-первых, не столь массовой, как в других республиках экс-СССР, а, во-вторых, к концу 1990-х гг. она, благодаря новой, социально-сберегающей политике государства, была даже приостановлена.

В белорусском общественном мнении в то время формируется недоверие к властным структурам, неверие в их способность вывести общество из глубокого политического кризиса. Социальная напряженность ощущается практически повсеместно. Фактически во всех социальных группах населения Беларуси активно распространяется синдром всеобщего недоверия к власти. Это недоверие в большой степени подпитывалось довольно многочисленными фактами номенклатурной приватизации госсобственности (ее саркастически окрестили «прихватазией»).

Уставшее от политической нестабильности общественное сознание все меньше надеется на конструктивность усилий политиков в их попытках исправить сложившуюся политическую ситуацию, вызывающую все большее разочарование и раздражение у народа. Это подтверждает и социологическое исследование «Общественное мнение о социально-политической ситуации в Республике Беларусь», проведенное в декабре 1992 г. Институтом социологии Академии наук Беларуси в Минске и во всех областях страны. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос «Каким движениям и партиям в Беларуси вы в наибольшей степени доверяете?» Рейтинг популярности возглавила Партия коммунистов Беларуси. Ей полностью доверяли 13,7 % населения республики. Далее следовали движение «За демократию, социальный прогресс и справедливость» (10,1 %), Белорусский народный фронт (9,9 %), Белорусская крестьянская партия (8,4 %), Славянский собор (4,9 %), Народное движение Беларуси (4,7 %), Белорусская социал-демократическая громада (3,7 %). Наименьшей популярностью пользовались Партия народного согласия (3 %), Белорусский христианско-демократический союз (2,8 %), Национально-демократическая партия Беларуси (1,8 %).

